

18+

ВИКТОР УЛИН

НЕЛЬКЕ

РАССКАЗЫ
ОБ ИСКАТЕЛЬНИЦАХ
СЧАСТЬЯ

Виктор Улин Нельке. Рассказы об искательницах счастья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69651433

ISBN 9785006057173

Аннотация

Героини пяти рассказов, составляющих этот сборник: Ариса, Виталина, Нельке, Роксана и Яна – принадлежат к разным слоям и разным возрастным группам. Их не связывает ничего, кроме общей цели: каждая хочет быть счастливой, невзирая на обстоятельства. Эти женщины – отъявленные эгоистки. К любой применимы слова самой радикальной: «Моральные нормы мы устанавливали для себя сами... Жить по чужим правилам означает проиграть». Но жизнь дается один раз. Каждую из них можно попытаться понять. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Ариса	5
Виталина	20
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Нельке Рассказы об искательницах счастья

Виктор Улин

Светлане К-вой

– женщине, которая сделала себя сама

Дизайнер обложки Виктор Улин

Фотограф Виктор Улин

© Виктор Улин, 2024

© Виктор Улин, дизайн обложки, 2024

© Виктор Улин, фотографии, 2024

ISBN 978-5-0060-5717-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*«Помышления смертных нетверды, и мысли наши
ошибочны, ибо тленное тело отягощает душу, и эта
земная хранина подавляет многозаботливый ум.»*

(Премудр. 9:14,15)

Ариса

1

– Одеваешься?

Номер на мобильном телефоне оставался неопределенным.

Так было запрограммировано ради обоюдной безопасности.

Но голос я узнавал с первого звука.

Не требовалось ни имен, ни стандартных приветствий.

– Уже одет, – ответил я.

Все было обговорено заранее; для того я и остался дома, позвонив в свой офис и сказав заместителю, что задержусь до обеда.

Я был давно готов, ждал звонка.

– И уже выхожу, – сказал я и погасил свет в передней.

Выйдя на площадку, захлопнув за собой и дважды повернув плоский ключ, я на миг остановился.

Возможно, стоило потратить еще минут пять: спуститься во двор и отогнать подальше машину, создавая видимость, что я куда-то уехал.

Но тут же подумалось, что мера предосторожности излишня.

В отличие от меня, ведущего свой бизнес и живущего в от-

носительной свободе, жена работала по найму, отсутствовала с утра до вечера.

И, кроме того, ей было все равно, где и с кем я провожу время.

Дети – сын и дочь, оба студенты – учились по невнятному графику, уходили и приходили в любой момент.

Ненужно глазастые, они-то могли отметить, что отцовская машина стоит у подъезда в окружении нетронутого ночного снега, а его одежды нет на вешалке.

Но их мнение волновало меня в последнюю очередь.

Достаточно было того, что я оплачивал их учебу, смартфоны, онлайн игры и прочую дребедень, без которой не могло жить нынешнее поколение.

В конце концов, я мог взять такси, уехать к приятелю и там напиться до бесчувствия, чтобы другой таксист ближе к вечеру привез обратно мое полупрозрачное от усталости тело.

Я имел на это право, которое вряд ли кто-то решился бы оспорить.

Но сегодня я не собирался пить с приятелем.

День обещал иные утешения.

Я сделал два шага и тихо нажал ручку смежной двери.

Ждать осталось не больше нескольких секунд.

Дверь приоткрылась; Ариса осторожно выглянула наружу.

На площадке никого не было, неурочное время обезлюдило подъезд.

Молчал лифт, чей мотор обычно гудел за потолком нашего девятого этажа.

Внизу кто-то курил дешевую дрянь; теплый вонючий дым невидимо дрожал в воздухе.

Но в пределах визуального контакта все оставалось чистым.

Я проскользнул в расширившуюся щель, соседкина дверь защелкнулась с мелодичным звуком.

– Все нормально? – на всякий случай уточнила Ариса.

– Как обычно, – ответил я.

– Тогда уходим из зоны.

Она выудила из кармана телефон, подержала кнопку отключения.

Сигнал побулькал, нехотя угас; Ариса положила аппарат на консоль, где лежали перчатки – несколько пар, разноцветных, под разные пальто.

Я сделал то же самое.

Наши андроиды – идеальные по нынешнем временам средства информационного порабощения – успокоились рядышком в клинической смерти.

Не было сомнений, что через полчаса эти электронные исчадия выйдут из комы без потерь для своих мозгов и снова

вцепятся в нас, не давая продыха.

Но сейчас мы остались на свободе.

– Живем, – сказала Ариса, прочитав мои мысли.

– Живем, – подтвердил я.

– Пойдешь в душ?

– Нет смысла терять времени. С утра уже вымылся.

– Хорошо. Тогда туда?

Она махнула рукой в сторону комнаты – совмещенной спальни и гостиной.

Из невидимой подмышки дохнуло только что нанесенным дезодорантом.

Полы платья распахнулись, сверкнула белая нога.

– Туда, – возразил я и махнул в сторону кухни.

– Ну ты приверженец традиций...

– Что есть, то есть.

Я нагнулся, расстегнул зимние сапоги – совершенно сухие, надетые для порядка.

Тяжелый финский пуховик определился на крючок, как у себя дома.

– Ну давай проходи. Кофе?

Повернувшись, Ариса прошла вперед меня.

Зад, обтянутый цветасто, был шире всех похвал.

– Кофе тоже. Но сначала иди сюда.

Кажется, я не был тут давно.

На кухне что-то неуловимо изменилось.

Вернее, изменилось вполне уловимо: соседка поменяла

мебель.

Старорежимный комплект с вытянутым столом, от острых углов которого на ее бедрах не успевали рассасываться синяки, исчез.

Вместе него появился круглый стол и два больших мягких стула.

Насколько я знал, Ариса не страдала обилием друзей, скромного комплекта должно было хватать.

Я расцепил ремень, спустил джинсы, сел, утвердился, протянул руки.

Соседка шагнула ко мне.

Домашнее платье имело застежку сверху донизу, позволяло регулировать доступность.

Я расстегнул несколько нижних пуговиц, увидел живот, туго обтянутый бежевым.

– Дай хоть трусы сниму, – попросила она.

– Сними, – позволил я.

Зашуршала ткань; большие Арисины коленки по очереди взглянули на меня.

Трусы, в которые поместилась бы пятигаллонная бутылка – причем не внатяг – оказались на столе.

– Лифчик снять? – уточнила соседка.

– Не надо, справлюсь.

Стул слегка затрещал, не ожидая, что придется выдержать сразу два тела.

Необъятный зад обтек меня так, будто был предназначен

именно для них.

Из двойной точки схождения наших ног пахло гелем для душа.

Верхние пуговицы поддались так же легко, как нижние.

Средние отдыхали: полуодетость первого контакта входила в число удовольствий.

Огромный бюстгальтер соскользнул легко, он был застегнут на самые свободные крючки.

На тяжелой груди остались красноватые следы косточек и складки от швов; от нее слегка пахло молоком.

В квартире топили основательно.

Я крепко ухватил бедра, горячие под платьем.

Когда-то давно, в ранней-преранней молодости, в деревенской командировке мне удалось ради интереса поводить «ЗИЛ-150».

Его руль был огромным, а сам грузовик казался тяжелей земного шара.

Сейчас я испытывал сходное ощущение.

Необъятность Арисиного зада слушалась моих пальцев, неподъемное тело отзывалось на мои движения – и все было насажено на рулевую колонку, стоящую незыблемо, как никогда.

– Дай, пожалуйста, грудь, – попросил я, не отпуская руля.

Ариса отстранилась, сунула мне в рот сосок, уже жесткий в ожидании дальнейшего.

Вот теперь можно было ехать дальше.

С соседкой мы сошлись два года назад.

Впрочем, обыденное слово к нашим отношениям не подходило.

Мы не сходились – как не намеревались расходиться; мы просто обнаружили, что наши тела созвучны в желаниях и способны доставить взаимное удовольствие.

Двум взрослым людям, перевалившим середину пятого десятка, было смешно предаваться высокоумным антимиониям вместо того, чтобы просто ублажать друг друга.

Ариса жила в однокомнатной квартире, совсем одна.

Кажется, она когда-то была замужем; кажется, у нее где-то жили такие же, как и у меня, почти взрослые дети.

Меня не волновали подробности.

Волновало лишь то, что у Арисы пудовая грудь и обильная задница – и что тем и другим она позволяет наслаждаться.

Познакомились мы по одному из классических совпадений факторов, которые происходят случайно, но открывают лаз в иную реальность.

Стояла осень, не спеша готовящаяся к зиме.

В доме дали отопление – как всегда, не на полную мощность.

Я уже не помню, по какой причине задержался с отъездом в офис.

Кажется, хотелось посмотреть какие-то данные на компьютере в спокойной обстановке и без мысли о том, что потом надо стереть следы, видимые всем по внутренней сети.

На сигнал домофона я открыл: в начале отопительного сезона сантехники иногда спохватывались, ходили по квартирам, выясняли, нет ли где-нибудь протечки.

Ко мне пришла Ариса – точнее, я еще не знал ее имени, подумал просто «соседка».

Мы не были знакомы, хотя кивали друг другу во дворе.

Соседка спросила, не знаю ли я, какие проблемы у нас с отоплением, поскольку вчера в батареях булькало, но они холодные.

Она специально отпросилась на работе, чтобы с утра вызвать мастера, но не может дозвониться до ЖЭУ.

Я ответил, что проблем нет и мастер не нужен.

Соседкина грудь, пушисто обтянутая свитером, торчала вперед эффектно, но мною двигало не вожеление, а элементарное желание помочь.

Как и положено в системах с нижней подачей тепла, на всех батареях нашего этажа стояли краны Маевского.

Они имели старую, «отечественную» конструкцию: плоские головки запорных клапанов прятались глубоко в корпусах, недоступные для обычного инструмента.

Для спуска воздуха жильцы вызывали сантехников, поскольку самостоятельно не могли ничего отвернуть.

Соседка наверняка делала именно так в прошлые годы,

только не понимала, что именно происходит с батареями.

Я обходился без сторонней помощи, поскольку имел свой спецключ.

Прихватив его, я прошел к соседке, попросил банку и тряпку, за пару минут спустил воздух в комнате и на кухне.

Она ходила по пятам и смотрела на меня, как на шамана.

Вероятно, ей казалось непостижимым, как человек, который всегда ходит в костюме и при галстуке, а ездит на иссиня-черном «*Инфинити FX30*», способен на такое сложное дело.

Но делать там было нечего.

В радиаторах забурлило.

Я сказал, что все хорошо, но это еще не окончательно, поскольку где-то ниже могут остаться воздушные пузыри и для гарантии надо подождать некоторое время, затем отвернуть краны еще раз.

Благодарная соседка предложила кофе, на что я с радостью согласился.

Мы устроились на кухне, она насыпала заварку, поставила чайник, принялась хлопотать, и мне стало как-то очень уютно.

Батареи, в самом деле, начали оживать, чугун у вводов стал нагреваться.

После второй чашки кофе соседка сказала, что ей тепло, и освободилась от свитера.

В этом не содержалось намерений; у себя дома она могла

делать, что хочет.

Но когда соседка, расцепив пластиковую «молнию» на пакете «Нескафе», наклонилась, чтобы всыпать мне третью дозу гранул, я вдруг увидел, как тяжело висит ее грудь, поддерживаемая ненадежным бюстгалтером.

Дальнейшее совершило временной скачок, при котором несколько минут выпали из сознания.

Очнулся я от теплой тяжести на коленях и почувствовал, как из-под нас капает на пол.

Соседка была обескуражена не меньше моего.

Чтобы разбавить неловкость, я поинтересовался, как ее зовут.

Услышав имя «Лариса», я обрадовался.

Дожив до сорока пяти годов, я хранил глупую приверженность к магии имен; сразу вспомнил некую Ларису, с которой было хорошо на заре туманной молодости.

Ее описывать я не стал, только признался, что имя нравится.

Соседка поправила, что она не «Лариса», а «Ариса».

Ее отцу имя нравилось не меньше, чем мне.

Но Ларисой звали ее мать, которая имела отчество, совпадающее с именем мужа.

Чтобы избежать двух идентичных личностей, отец убрал первую букву.

Он говорил, что такое имя деле существует – не то в Японии, не то где-то еще – и обозначает величественность.

Я ответил, что «Ариса» мне тоже нравится, а насчет величественности сомнений нет.

Последние слова я подтвердил тем, что высвободил наконец грудь, оценил и на вес и на ощупь и на вкус.

Ариса не возражала; я понял, что мы нашли друг друга.

Я повторил спуск воздуха еще раз: сначала на кухне, потом в комнате.

Циркуляция – на мой взгляд – полностью еще не установилась.

Поэтому мы повторили эпизод уже на кровати.

Там все произошло серьезно, с чувством, толком, с расстановкой – с соседкиными вздохами и стонами, с классическими царапаньем спины и дробью пяток по моей поясице.

Потом я спустил воздух в третий раз и отправился восвояси.

Приняв дома душ, я подумал о случившемся.

Оно выходило из привычек последних десяти лет, но из ряда вон не выходило.

Я был еще довольно бодр.

С женой у нас все давно прекратилось.

Двадцать лет законного брака сделали отношения чисто дружескими, вымыли малейшие остатки чувственности.

Вероятно, она даже не стала бы меня ревновать.

Равно как и я не бы был против, найди жена утешение на стороне: она тоже была не стара и тоже имела право на радость жизни.

И, начавшись случайно, наша связь с соседкой вышла на регулярную основу.

4

– Ты что там делаешь? – поинтересовалась Ариса, пытаясь заглянуть себе под живот.

– Ничего особенного, причесываю тебе пискю, – ответил я.

Ее интимные волосы отличались густотой и толщиной, я любил ими играть, расчесывать на две стороны, делать еще что-нибудь, допустимое в минуты близости.

– Хотела там подстричь, – сказала она. – Не собралась.

– Не стриги. Оставь, как есть. Мне нравится, когда они длинные. Отрасти еще, я заплету тебе бантик.

– Ну ты хулиган... – соседка вздохнула. – Как мальчишка, в самом деле.

– Сам от себя не ожидал, но что есть, то есть.

– Я тоже кое-чего не ожидала.

Она шевельнулась.

– Стулья новые вот купила, сидеть хорошо, но обивка – жуть. Каждая капля остается и ничем не отчистить.

– Возьми свои трусы, – предложил я. – Подсунь, я приподнимусь и сразу отодвинемся.

– Ну давай, попробуем, – согласилась Ариса. – Изобретатель.

– А уж в комнате на кровать подстелем полотенце.

– А ты что, сможешь еще раз?

– Смогу ли, не знаю, – честно признался я. – Мне, конечно, не двадцать лет.

– Не двадцать, уж точно.

Смешок Арисы получился выразительным.

– Но почему бы не попробовать? – я сжал обеими руками ее грудь. – Я тебя хочу.

– То, что хочешь – хорошо, – ответила она. – И разве я говорю, что не надо пробовать?

5

Я мылся под душем, тихонько напевая «*Бесаме мучо*».

В теле блуждала стратосферная легкость, на душе царила сладостная пустота.

Несмотря на доводы морали, в жизни не существовало более приятной вещи, чем секс без обязательств.

Даря одну лишь чистую радость, он не нес проблем.

Ради такого состояния стоило жить.

Я знал, что неподалеку, за несколькими стенками этажа, точно так же моется Ариса – намыливает грудь, приседает, тужится, выполаскивает из себя результат слияния.

Правда, получилось у меня всего один раз, но в моем возрасте и это было хорошо.

– «*Que tengo miedo tenerte y perderte después...*»

Квартира после душевой кабины казалась прохладной.

Из-под моих ног по коридору метнулся сын.

Он не слышал шума воды, или не придавал тому значения –

увидев меня, смутился.

– Ты как тут оказался? – с нарочитым удивлением спросил я.

Я знал все, понимал каждую мелочь, но игра требовала хорошей мины.

– У вас что, в академии отменили пары?

– Нет, не отменили...

Сын кашлянул.

Я видел, что он делает усилие, чтобы не покраснеть.

– Просто... просто срочно понадобился один конспект...

То есть не конспект, флешка... Ну, короче, пришлось смотреться домой.

– Нашел?

– Нашел?

– Теперь обратно?

– Ну да, обратно.

Ответ прозвучал почти спокойно.

– Подвезти? – предложил я, решив играть до конца. – Я как раз собираюсь в офис.

– Нет-нет!!

Он вспыхнул, как застигнутый врасплох мальчишка.

Впрочем, мальчишкой моно было оставаться сколь угодно долго.

– Нет, папа, спасибо, не надо. Мне тут... надо еще... побегу...

Молчание повисло паузой.

На невидимой шкале мигало время.

– Да ладно.

Я пришел на помощь.

– Беги, разомнись, тебе полезно. А мне надо посмотреть еще пару сайтов.

– Тогда пока!

Сын схватил с вешалки куртку, насунул один рукав и вылетел из квартиры.

Глазка у нас не было; видеодомофон включался со щелчком и я не стал выдавать, что шпионю.

Но имея идеальный слух, через металлическую дверь и уплотнители я уловил звон известного замка.

Я не почувствовал ни возмущения, ни ревности.

Ничего особенного я не видел в том, что Ариса встречается с нами обоими по очереди.

Сыну, в самом деле, было двадцать лет.

А она имела право, отпросившись с работы на целый день, получить максимум удовольствий.

В России – империи асексуальных дикарей – такую женщину забили бы кирпичами на паперти.

Но жизнь была одна на всех, кто понимал толк.

Виталина

I

1

– ...И что сейчас будет? Соберется толпа парней? и все будут нас трахать?

– Будут. Но не толпа, а только двое.

– Но всех-всех? И... нас с тобой тоже?

– Это уж как они захотят. А ты что – боишься?

– Ну... Не знаю как-то.

– Не знаешь, так зачем пришла?

– Ну так... Посмотреть. И вообще...

Один из голосов казался знакомым; второй был неизвестен.

Обе дожидались очереди идти в душ: там кто-то завис.

С кухни, где распорядилась моя соседка Лена, доносился веселый гомон.

Парни задерживались.

– А как это?.. Трахаться при всех?.. Или не при всех?

– При всех. В этом весь фокус.

– А ты пробовала уже?

– Нет, Катька рассказывала. Говорила, когда на тебя смотрят, можно обкончаться, как не знаю как...

Я слушала вполуха, а сама готовила кровати.

В комнате мы жили вчетвером, но как-то получилось, что я считалась ответственной за сохранность хозяйского имущества.

Оно, конечно, дышало на ладан, однако матрасы оставались довольно чистыми.

Поэтому я снимала простыни и подстилала двухслойную полиэтиленовую пленку, какими затягивают парники.

Две из соседок на выходные уехали домой, освободившиеся кровати можно было сдвинуть и устроить настоящий секс-подиум, но я ленилась этим заниматься. Да и ветхая мебель вряд ли бы выдержала нагрузку.

– ...А Катька говорила... как именно будут трахать?... Я ведь...

– Ты девственница? Тогда вали отсюда, проблемы никому не нужны.

– Я что – дура на четвертом курсе быть девственной? Просто люблю не все варианты.

– Успокойся. Насиловать тебя никто не собирается. И не сделают ничего, чего не хочешь. Здесь просто игра для всеобщего удовольствия.

Ни мы с Леной, ни наши гости не страдали извращениями.

Просто для будущих медиков тайны природы утратили остроту.

К концу первого курса все разбились на пары, на втором партнеры переменялись, на третьем все познали всех, на чет-

вертом обычный секс наскучил.

– ...А в презерах, или без?

– Как пожелаешь. Если залетишь – твои проблемы.

– Но...

– Предупредишь – вынут. Тут не школьники.

Природное занятие нам приходилось разнообразить играми.

Сегодняшняя была самой популярной, хоть и отличалась олимпийской простотой.

Я слышала, что где-то бывают сложные, упорядоченные сексуальные состязания, в которых крутятся большие деньги.

Наша игра носила невинный характер, не имела особых правил.

Она представляла соревнование двух парней на осеменение максимального количества девиц.

Несмотря на катастрофическую приелость секса, мы едва перевалили за двадцать и были полны сил.

Поэтому совокупление с разными телами оказывалось продуктивным.

Душ освободился, нерешительная парочка удалась: вероятно, мытье вдвоем придавало уверенности.

Я закончила приготовления, отошла к окну и выглянула наружу.

Там туда и сюда шли унылые люди. Кто-то ссорился с женой, кто-то кричал на детей, кто-то обсуждал политику.

И никто, конечно, не знал, какой ураган вот-вот начнется здесь.

Хотя по современным меркам ничего сверхъестественного тут не творилось. Да и Тургеневские девушки сюда не приходили.

Мы с соседкой в игре не участвовали, причем не из моральных соображений.

Имея волосатые ноги, Лена стеснялась раздеваться при всех. Делать эпиляцию она боялась из опасения, что волосы начнут расти еще сильнее.

На игре Ленка ходила в джинсах, выполняла роль распорядительницы.

Последняя заключалась в том, что за каждый удачный заход она рисовала парню на животе знак победы: нечто, напоминающее нефтяную вышку на колесах.

Иногда, по просьбе игроков, Лена делала фотографии – в правильный момент, в заданной позе и нужном ракурсе.

Я не играла по иной, более грустной причине.

Ханжа-пуританин употребил бы пару десятков слов для ее описания.

Медику пояснить просто: у меня были проблемы с оргазмом.

С девственностью я распрощалась еще в школе, сексом занималась интенсивно.

Но очень быстро выяснилось, что я не испытываю главного, ради чего все и затевается.

Фригидной я не была, мастурбировать научилась раньше, чем познала мужчину. Но ни один из них не мог довести меня до кондиции.

Нет, конечно, процесс коитуса мне доставлял удовольствие. Но все кончалось раньше, чем я успевала дойти поближе. В итоге партнер отваливался, а я мне приходилось работать наедине.

В конце концов мне надоело положение дел.

С парнями я стала встречаться лишь изредка, в чисто гигиенических целях: оргазм оргазмом, но получение спермы способствовало гормональному балансу.

Потом пришло новое открытие.

Однажды меня соблазнил пожилой доцент с кафедры внутренних болезней.

Я имела аппетитные ляжки и богатую грудь, была привлекательной для мужского глаза, это оставалось неизменным.

Сейчас уже трудно понять, как мы оказались в койке, да и удовольствия от такого любовника не ожидалось. Сначала он набросился на меня, как барс, потом долго сопел, кряхтел и потел.

Но зато он старался так долго, что у меня случился первый в жизни оргазм с мужчиной.

Правда, после него захотелось скорее встать и отмыться.

Да и доцент был в шоке. На следующий день в институте он сделал вид, что со мною не знаком.

Зато я поняла главное. У меня был низкий темперамент,

мне требовалось время, потраченное партнером на розжиг тела.

От ровесников такого не ожидалось. Даже если редкие думали не только о себе, никто не мог сдерживаться достаточно долго.

Я стала искать зрелых любовников, через интернет это получалось без труда.

Они, конечно, были эстетически непривлекательными, запах тел отвращал. Я терпела все, платя за удовольствие.

Нормальный секс не был единственной радостью жизни, но без него меркли все прочее.

Стоя у окна, я завидовала девицам, которые умели даже на «ринге» испытывать оргазм. Вероятно, мне не стоило присутствовать на игре; Ленка справилась бы с кроватями не хуже моего.

Однако с некоторых пор во мне поселился некий нездоровый, почти старушечий интерес, подпитанный медицинским цинизмом.

Обывателю женское влагалище представляется равномерной трубкой. На самом деле оно имеет грушевидную форму: узкое в *vestibulum*, расширяется внутри, а «*ножкой*» служит маточный зев – *ostium uteri*.

Я смотрела на играющих и представляла, что испытывает мужчина, когда *penis* проходит преддверие и проваливается в пустоту, как нарастают ощущения в *preputium* и на *frenulum* при движении туда-сюда. Мне доставляло

удовольствие предугадывать момент, когда где-то откроется *fossa navicularis* и хлынет *semen* – сначала сильной струйкой, потом все слабее. Впрочем иногда гадать не приходилось: перед эякуляцией у некоторых игроков сокращалась *scrotum*, это было видно невооруженным глазом.

Я готовилась стать терапевтом, не собиралась специализироваться на гинеколога, андролога или сексопатолога. Но наблюдать было любопытно.

При этом я понимала, что такое отношение, уж точно, ведет к извращению.

– ...Привет!

Я вздрогнула, обернулась.

Передо мной стоял один из парней.

Мы не были знакомы лично, но я видела его в институте.

Откуда-то я слышала, что он приезжий, но не живет в общежитии и не снимает комнату, имеет отца – заведующего райздравотделом где-то на краю области, специализируется по полостной хирургии и ему уготовано место в одной из городских клинических больниц.

На игру этот парень еще ни разу не приходил, я не знала его имени.

– Виталий, – сказал он, протягивая руку.

Ладонь оказалась крепкой, с длинными твердыми пальцами.

Несомненно, хирургическое будущее было благополучным.

– А я Виталина, – ответила я. – Мы с тобой, выходит, как брат и сестра. Оба от слова «жизнь».

– Или как муж и жена?

Он усмехнулся.

Мне тоже стало смешно. При моем раскладе замужество не виделось перспективой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.